УДК 94 (47+571)+341.341+355. (415.8+257.72)

Бондаренко Елена Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Школы экономики и менеджмента ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток). *E-mail: plen02.09.1954@mail.ru*

Е.Ю. Бондаренко
E.Yu. Bondarenko

Управление иностранными военнопленными на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны

В годы Первой мировой войны Дальний Восток России стал местом вынужденного пребывания тысяч военнопленных из Германии, Австро-Венгрии, Турции. Эти чрезвычайно массовые миграционные потоки, с одной стороны, заметно развивали хозяйственную жизнь Дальневосточного региона, с другой, – способствовали вовлечению восточной окраины России в политическую жизнь страны, резко революционизировали контингент военнопленных, приковывали к Дальнему Востоку пристальное внимание зарубежных держав. Таким образом, управление военнопленными состояло в отсечении их контингента от основного населения Дальнего Востока России и отправке в заведомо непригодные для жизни условия содержания. Приказом Министерства внутренних дел России от 12 августа 1914 г. все австрийские и германские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, проживающие на территории Российского государства, способные носить оружие, считались военнопленными и подлежали немедленному аресту и высылке из Европейской части России как лица, склонные к шпионажу и измене.

Management of the foreign prisoners of war in the Far East of Russia during the First World War

During the First World War, the Russian Far East became a place of forced exile of thousands of prisoners of the war from Germany, Austria-Hungary, and Turkey. These extremely massive migration flows, on the one hand, significantly developed the economic life of the Far East region, on the other - to promote the involvement of the eastern edge of Russia in the political life of the country, dramatically revolutionized contingent of the prisoners of war, riveted to the Far East close attention of the foreign powers. Thus, the management of prisoners consisted in cutting off their troops from the general population of the Far East of Russia and sent to the knowingly uninhabitable conditions. By the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia on August

12, 1914 all the Austrian and German male subjects aged 18 to 45 years old, residing in the territory of the Russian state, capable of bearing arms were considered prisoners of war and the subject to immediate arrest and expulsion from the European part of Russia as the persons inclined to espionage and treason.

Ключевые слова: *Первая мировая война, германофобия, военнопленные, интернирование, шпиономания, экономический шпионаж, Приамурское генерал-губернаторство.*

Keywords: *The First World War, Germanophobia, prisoners of war, internment, spy, economic espionage, Amur governor-generalship.*

Первая мировая война явилась событием огромной важности, не имеющим по своим масштабам и последствиям равных во всей предшествующей истории человечества.

Россия вступила в войну на стороне Антанты (Англии и Франции) против Тройственного союза, в котором главную роль играла Германия, а союзниками были Австро-Венгрия и Италия. С началом Первой мировой войны Россию захлестнула волна германофобии. Г. Петербург был переименован в г. Петроград, начались погромы магазинов, принадлежавших немцам. Боязнь военного и экономического шпионажа со стороны многочисленного немецкого населения России привела правительство к необходимости принятия неординарных решений.

Многие из этих подданных всю свою сознательную жизнь прожили в Российском государстве, в том числе и на его Дальнем Востоке, внесли своим трудом важный вклад в экономику региона и были настолько уверены в безопасности своего местонахождения, что не позаботились о прошении российского подданства.

Приказом Министерства внутренних дел России от 12 августа 1914 г. все австрийские и германские подданные мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, проживающие на территории Российского государства, способные носить оружие, считались военнопленными и подлежали немедленному аресту и высылке из Европейской части России как лица, склонные к шпионажу и измене [1]. Семьи арестованных и высылаемых могли следовать за своими главами в Омский военный округ, северные уезды Тобольской губернии, в Якутию. Арестованные направлялись в места выдворения под стражей (за свой счет) по железным дорогам в вагонах третьего класса или на пароходах второго класса. В случае отказа от добровольного отъезда германские и австрийские подданные направлялись на север в качестве военнопленных по этапу [2].

Из приказа МВД России от 12 августа 1914 г. следовало, что по прибытию в ссылку иностранные подданные попадали под надзор полиции на общих основаниях с российскими арестантами. С них бралась подписка

о невыезде. Проживать в ссылке они должны были за свой счет и селиться по возможности группами.

В период с августа 1914 г. по октябрь 1916 г. в Приамурском генерал-губернаторстве были составлены 5 списков германских и австрийских подданных, подлежавших высылке. Численность их составляла свыше 10 тыс. чел. [3].

23 августа 1914 г. ввиду вступления Турции в войну и открытия Кавказского фронта МВД России объявило о необходимости ареста турецких подданных во всех регионах России, включая Дальний Восток (имелись в виду военнопленные), а также задержания (интернирования) турецких подданных других национальностей, таких как греки, армяне, болгары и т. д. [4]. В течение 1915 г. на территории Приамурского генерал-губернаторства были задержаны 159 греков и 115 турок [5].

Таким образом, Россия, не захватив ни единого вражеского военнослужащего на поле сражений, уже обладала армией иностранных подданных, признанных военнопленными. Только из Приморья за 3 месяца 1914 г. в Якутию были высланы 30 иностранных граждан, подозреваемых в шпионаже в пользу Германии.

Правительственным инспекциям были подвергнуты такие торговые фирмы, как «Нобель», «Адлер», «Лопатин», «Кунст и Альберс», «Киргоф и Ниссен», «Лангелитье», горнопромышленное общество «Тетюхе» и Сахалинское каменноугольное предприятие Даттана. Кроме того, был возбужден вопрос об учреждении правительственного надзора над фирмами «Симменс и Шуккерт», «Симменс и Гальске», «Артур Коппель», «Гергардт Гей», «Тиль-манс», а также «Всеобщая компания электричества». Наряду с проверками, составлялись списки иностранных подданных – сотрудников данных фирм, попадавших в число высылаемых «военнопленных», а также тех, кто напрямую обвинялся в шпионаже в пользу Германии.

Среди иностранцев, высланных на север из г. Владивостока, были и сотрудники торговой фирмы «Кунст и Альберс». Как оказалось, состав служащих фирмы комплектовался офицерами запаса и представителями нижних чинов германской службы, командированными в Россию якобы для изучения русского языка. Пробыв 2 – 3 года, такие служащие уезжали в Германию, а вместо них прибывали новые.

Сама же фирма, раскинувшаяся сетью отделений количеством более 50, имела филиалы по всей Приамурской области, а также в Маньчжурии, Забайкалье, и доверенных лиц во многих крупных городах Европейской России и, по сведениям полиции, являлась в течение предвоенных лет хорошо организованным разведывательным отделением Германского генерального штаба. Шпионская деятельность проводилась под покровительством совладельцев фирмы Даттана и Альберса, которые, как следовало из протокола их допроса, «… хотя, быть может, и не принимающие активного участия в деле шпионства, но всеми мерами таковому способствующие». Торговую фирму «Кунст и Альберс» с

началом Первой мировой войны власти г. Владивостока определенно называли «университетом шпионажа», и потому сотрудники фирмы одними из первых пополнили ряды высылаемых на север иностранных военнопленных [6].

Сам Даттан яростно сопротивлялся, опровергая выдвинутые против него и его служащих обвинения. «… Работая на край 50 лет, имея все свое обзаведение и имущество в крае, ведя торговлю универсального характера, т. е. разными товарами... отечественного и заграничного производства, содержа штат в 600 человек русских служащих, принадлежа, наконец, русским подданным, хотя и немецкого происхождения, фирма, я полагаю, могла бы считаться достаточно обрусевшею, чтобы указывать на нее, как на немецкую враждебную» [7].

Однако, казалось бы, убедительные доводы А. Даттана, выдвинутые в его письме на имя коменданта Владивостокской крепости генерал-лейтенанта С.С. Савича, не возымели должного эффекта, поскольку, начиная с августа 1914 г., все, что было связано с Германией, являлось для российских граждан враждебным, подлежало ликвидации или высылке.

Так были арестованы и подвергнуты военному трибуналу, а впоследствии высланы в качестве военнопленных члены Владивостокского немецкого общества «Флот», которое насчитывало 155 чел. немецких подданных, «… в числе коих, по утверждению Владивостокской полиции, много лиц, зарегистрированных по подозрению в военном шпионстве» [8].

По обвинению в шпионаже были арестованы и высланы из города в качестве военнопленных члены другого Владивостокского немецкого любительского мореходного общества, которые, как оказалось, с яхт Владивостокского яхт-клуба производили снимки военных объектов города.

Германские подданные во Владивостоке задерживались за обнаружение фотоаппаратов, а также фотографических снимков с видами города. Как отмечалось в секретном письме ротмистра Гинсбурга начальнику Владивостокского охранного отделения, «... в числе фотографических снимков у многих военнопленных обнаружены фотографические снимки общего вида г. Владивостока, на некоторых возвышенностях которого находятся артиллерийские батареи [9].

По мнению Владивостокской полиции, шпионской деятельностью в городе занимались также участники певческого кружка – германские подданные. В частности, немецкие певцы давали платные концерты, процентные отчисления от которых отправляли в Германию. Все они были арестованы и в качестве военнопленных высланы из г. Владивостока на север по обвинению в военном шпионаже.

После начала Первой мировой войны германские поданные были зарегистрированы полицейскими органами на российском Сахалине. Высылке с острова они не подвергались, но как подданные вражеского государства были объявлены военнопленными и арестованы. Среди них

были такие уважаемые на острове граждане, как член Сахалинского охотничьего общества Яков Шмельцер и директор Сахалинского отделения Российского тюремного комитета Юлий Бишор. Их причастность к шпионам полицией установлена не была, но, тем не менее, они были арестованы [10].

В целях борьбы с засильем «германцев-шпионов» на приамурских рынках Благовещенское биржевое общество исключило из своего состава торговые фирмы, основанные немецкими подданными Г.Г. Кавенем, К.Ф. Штейнбергом, а также турецкими подданными Н.П. Мавриди и Ф.А. Пюскюлю. В их отношении было принято специальное Постановление на экстренном заседании Хабаровского биржевого комитета от 25 ноября 1914 г., которое содержало, в частности, и такие строки: «… На основании суждения по этому вопросу комитет принял проявленное германцами враждебное отношение к русским не только в политической и экономической областях, в смысле общечеловеческом. Последнее выразилось в варварском отношении к русским, задержанным в Германии, и особенно к русским пленным и раненым воинам».

Среди интернированных иностранных граждан, попавших в разряд военнопленных, было немало действительно невиновных, преданных России людей. Свидетельством тому являются многочисленные прошения от родственников, российских сослуживцев иностранных подданных, признанных военнопленными и подлежащих аресту и высылке. Так, представители торгового дома «М. Пьянков с братьями» и товарищества «Пеппель и К» обратились в Приамурское генерал-губернаторство с просьбой «… оставить во Владивостоке военнообязанного и военнопленного гражданина Германии Роберта Шоппе как хорошего специалиста по процессу сухой перегонки дерева». Хозяева Одарковского скипидарного завода в Иманском уезде (русские купцы А. Вальден и А. Свидерский) в 1914 г. ходатайствовали также по поводу освобождения опытного химика с их завода – немецкого подданного, арестованного в качестве военнопленного [11].

Слабое здоровье многих иностранных подданных, их мирные специальности и полная непригодность большинства из них к военной службе служили явными предвестниками их неминуемой гибели в ссылке или тюрьмах. Об этих опасениях свидетельствуют многочисленные письма-прошения русских жен иностранных подданных, готовых ехать за мужьями даже в Якутскую губернию.

Так, Евгения Толле, урожденная Токарева, просила разрешить ей «… ехать вместе с мужем в предназначенное место выдворения за собственный счет, поскольку, по ее словам, Г.Ф. Толле хворает, и высылка его этапом равносильна смертному приговору» [12].

Несмотря на то, что каждое прошение рассматривалось в генерал-губернаторстве строго индивидуально, группа германских и австрийских подданных в составе 100 чел., признанных военнопленными, в январе 1915 г. была арестована во Владивостоке и отправлена под стражей на остров

Русский, а впоследствии ждала своего выдворения из Приморья во Владивостокской гражданской тюрьме. Свидетельства о пребывании там германских подданных крайне противоречивы. Так, газета «Deutsehe Zeiting in Shina» («Немецкая газета в Китае») сообщала в номере от 26 ноября 1915 г. о жестоком обращении с германскими подданными, арестованными после объявления войны с Германией и находившимися во Владивостокской тюрьме.

Опровергая это и другие подобные сообщения, Владивостокская канцелярия Приамурского генерал-губернаторства заявляет об отдельном от остальных арестантов содержании иностранных подданных, их «усиленных» прогулках, регулярных свиданиях с посетителями. Более того, как говорилось в Объяснительной записке военных властей о. Русского, «... им не возбранялось иметь и свой стол».

Таким образом, на основании представленных фактов можно говорить не о военном пленении иностранных подданных на Дальнем Востоке России с началом Первой мировой войны, а об интернировании – принудительном задержании одним воюющим государством граждан другого воюющего государства. Только за 1914 г. в Приамурском генерал-губернаторстве были задержаны, арестованы, а впоследствии высланы на север 400 немецких и австрийских, а также 115 турецких подданных [13].

Жесткие меры по отношению к гражданам враждебного государства, несомненно, были вызваны началом войны с Германией, а также, как нам кажется, экономическими интересами России на Дальнем Востоке, где с конца XIX в. немецкие и австро-венгерские коммерсанты завладели большинством промышленных, торговых предприятий и фирм.

Как писал председателю Совета министров И.Л. Горемыкину генерал-губернатор Приамурского края Н.Л. Гондатти, с самого начала войны в Приамурье были приняты меры «… по спешной регистрации проживаемых в пределах края подданных враждебных нам стран и высылке их в места расположения военнообязанных. Все относящиеся к этому вопросу распоряжения и указания центральных органов исполнены были без промедления, в точности, с достаточной твердостью и решительностью, причем, я все время имел неослабное наблюдение за тем, чтобы никаких послаблений в данном отношении, кроме разрешенных (для славян, турок-христиан, благонадежных болгар и т. п.), не делалось, и чтобы край возможно скорее был очищен от этого элемента. Высылка отсюда германцев и австрийцев большими партиями вскоре была закончена, и так как эти лица главным образом были причастны к местной торгово-промышленной жизни, то таковая с уходом из края неприятельских подданных, занимавших в ней видные места, несомненно, сразу же получила иную окраску и открыла в ней доступ русским работникам».

По мнению исследователей, кроме российских предпринимателей, в устранении немецкого капитала (как солидного конкурента) были заинтересованы представители стран Антанты. В 1914 – 1918 гг. для

экономики Дальнего Востока России было характерным усиление позиций предпринимателей Японии и США.

Несмотря на то, что Дальний Восток России был одним из самых удаленных от театра военных действий регионов, в первые же месяцы войны сюда стали поступать австрийские и немецкие военнопленные. Это было вызвано целым рядом причин. С одной стороны, в первый период кампании 1914 г. имели место трагические неудачи двух русских армий в Восточной Пруссии, причиной которых явились поздние сроки мобилизационной готовности, неудачи в стратегическом сосредоточении и развертывании армий, а также зависимость русского командования от условий франко-русской конвенции. Это последнее обстоятельство привело к тому, что русское командование было вынуждено отвлекать крупные силы на направления, менее важные с точки зрения собственных стратегических и политических интересов России. Кроме того, военные обязательства России перед Францией вынуждали русские войска начинать боевые операции до полного завершения боевого сосредоточения.

Россия выставила на Северо-Западном фронте против Германии 1-ю и 2-ю армии (17,5 пехотных и 8,5 кавалерийских дивизий); против них немцы развернули свою 8-ю армию в составе 15 пехотных и одной кавалерийской дивизии. Четырем армиям русского Юго-Западного фронта противостояли 3 австрийские армии, усиленные армейской группой и корпусом в составе 3-х пехотных и одной кавалерийской дивизий. Одна русская армия была образована для прикрытия Петрограда и Балтийского побережья, вторая – для прикрытия румынской границы и Черноморского побережья. Общий состав этих двух армий равнялся двенадцати пехотным и трем кавалерийским дивизиям.

Западно-европейский и восточно-европейский театры военных действий были главными на протяжении всей войны, действия же остальных фронтов имели второстепенное значение.

Первый период кампании 1914 г. на восточно-европейском театре военных действий ознаменовался двумя крупными операциями – восточно-прусской и галицийской. Галицийская операция, длившаяся более месяца, закончилась победой русских войск. В разгроме австро-венгерских войск большую роль сыграло то, что солдаты славянских национальностей, в особенности чехи и словаки, десятками тысяч сдавались в плен.

Вместе с тем, наступательная операция русского Северо-Западного фронта окончилась неудачей. Русские потери были огромны – около четверти миллиона солдат и большое количество вооружения. Однако неудачи компенсировались успешными действиями против австро-венгерских войск. В марте 1915 г. капитулировал Перемышль с его 120-тысячным гарнизоном австро-венгерских войск. Русские войска взяли в плен в результате летних операций 1916 г. на Юго-Западном фронте около 9 тыс. офицеров и свыше 400 тыс. солдат [14]. Поначалу это была

неорганизованная, стихийная, взрывоопасная, революционно настроенная масса людей, поступавших с мест боевых действий.

Необходимо было в кратчайшие сроки обеспечить военнопленных питанием, одеждой, распределить их по местам проживания и трудоустроить. В стране был создан Комитет помощи военнопленным, а также Центральное справочное бюро военнопленных, что облегчало распространение информации о местах пребывания взятых в плен немцев, австрийцев, турок, а также военнослужащих других национальностей.

25 сентября 1914 г. для объединения всех ведомств по снабжению армии, фронта и тыла при Военном министерстве Постановлением Особого совещания была учреждена Особая межведомственная комиссия при Главном управлении Генерального штаба, в обязанности которой входило распределение военнопленных по работам.

28 февраля 1915 г. Совет министров России утвердил Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы.

Согласно данным правилам, сельским хозяевам предоставлялись «… для производства работ в районах, не входящих в театр военных действий, и в местностях, особо указываемых подлежащею военною властью, военнопленные по преимуществу не немецкого и не мадьярского происхождения».

Таким образом, национальность военнопленных являлась существенным фактором при их сортировке по работам. Такая дискриминация стала грубым нарушением II Гаагской конвенции от 5 (18) октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны и привела к непредсказуемым последствиям в условиях военного плена.

Правила предусматривали распределение военнопленных партиями (по возможности не менее 100 чел.) и на достаточно продолжительный срок (не менее трех месяцев).

В правилах предусматривалось, что «… Принятые земской управой в свое распоряжение военнопленные могут быть предоставлены сельским хозяевам исключительно на работы за плату, размер коей за время нахождения военнопленных на работах устанавливается... земской управою... Могущий при этом образоваться остаток поступлений, равно как и заработная плата, удержанная с отдельных пленных ввиду их нерадивости или по иным причинам, распределяется земской управой по окончании работ между заслуживающими одобрения военнопленными» [15].

В соответствии с основными положениями II Гаагской конвенции 1907 г., правила обязали земские управы, принимающие военнопленных, обеспечить их содержание и медицинскую помощь, «… иметь наблюдение за получением военнопленными продовольствия (по возможности наравне с нижними воинскими чинами), а также одежды и обуви, необходимых для сохранения их здоровья, и за санитарным их состоянием на местах работы» [16].

17 марта 1915 г. были утверждены и обнародованы Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях, которые разъясняли основные правила использования военнопленных в частных предприятиях горной, горно-заводской, фабрично-заводской промышленностях, а также на крупных промышленных предприятиях, имеющих государственное или общественное значение.

Данные правила содержали указания о том, на каких именно работах может использоваться труд военнопленных, их численность, то время, на которое они требуются. Они содержали указания о доставке военнопленных и их конвоя к месту работ, а также о содержании военнопленных, включавшем помещение, продовольствие, лечение, снабжение их одеждой, обувью, бельем и т. д.

Правила об отпуске военнопленных для работ на властных промышленных предприятиях предусматривали суровые наказания для беглецов, военнопленных, совершивших разного рода преступления. «… В случае совершения военнопленными преступных деяний, предусмотренных уголовными законами, виновные передаются в распоряжение местного военного начальства», – гласила статья 15 правил. Оба варианта правил: Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы от 28 февраля 1915 г. и Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях от 17 марта 1915 г., – имели статьи о поощрении военнопленных, «… обнаруживших усердие в работе... не свыше, однако, 20 коп. за каждый рабочий день на человека» [17].

Таким образом, Правила об отпуске военнопленных, утвержденные Советом министров России 28 февраля и 17 марта 1915 г., стали одними из первых документов по положению иностранных военнопленных в России в годы Первой мировой войны. Надо сказать, что эти постановления, за исключением ст. 2 Правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы от 28 февраля 1915 г. о разделении военнопленных по национальностям и преимуществе славянских наций, не противоречили статьям II Гаагской конвенции от 5 (18) октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны и содержали в себе принципы гуманного обращения с пленными.

В России военнопленные были размещены в четырехстах лагерях, из них 300 находились в Европейской, а 100 – в Азиатской части России. Царские власти считали германских и венгерских военнопленных неблагонадежными и потому селили их в крупных военных городках, построенных в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке накануне и после Русско-Японской войны 1904 – 1905 гг. Непривычный климат, скверное питание, плохое обмундирование, неудовлетворительные санитарные условия привели к тому, что в 1915 г. в Сретенске из 14000 военнопленных погибли 11000 чел., в Шкотово (возле г. Владивостока) зимой 1914 – 1915 гг. из 9000 чел. погибли 7000 [18].

1 апреля 1915 г. в Приамурское генерал-губернаторство поступила телеграмма из Главного управления Генерального штаба с просьбой о содействии к размещению немецких и австрийских военнопленных, число которых особенно возросло после взятия русскими войсками Перемышля. Численность иностранных военнопленных на Дальнем Востоке по их воинским званиям, а также место их расположения на 6 апреля 1915 г. представлены в таблице 1.

Таблица 1

Численность иностранных военнопленных на Дальнем Востоке России по их воинским званиям. Место расположения военнопленных на 6 апреля 1915 г.

Место расположения	**Численность**	**Офицеры**	**Рядовые**
Весь Дальний Восток	30595	1127	29468
В том числе: г. Хабаровск	3517	-	3517
Пристань Николо-Александровская	646	474	172
с. Спасское	6535	263	6272
г. Н.-Уссурийский	8975	46	8929
с. Раздольное	6941	111	6830
с. Шкотово	3981	233	3748

Источник: таблица составлена автором на основании данных Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (далее – РГИАДВ). Ф. 702. Оп. 4. Д. 800. Л. 5.

В целом, в начале апреля 1915 г. в лагерях Дальнего Востока России находились 30595 чел. иностранных военнопленных, из них: 1127 чел., (или 3,6%) – представители офицерского состава; 29468 чел. – рядовые (около 97% всех прибывших) [19].

Правительство РСФСР и командование Красной Армии с первых месяцев своего существования дифференцированно подходили к проблеме функционирования органов, ответственных за содержание военнопленных. Уже 23 апреля 1918 г. Декретом СНК РСФСР была образована Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (далее – Центропленбеж) при Наркомате по военным делам. Примечателен тот факт, что в мае 1919 г. СНК РСФСР передал Центропленбеж в ведение НКВД РСФСР. В январе 1920 г. Центропленбеж был переименован в Центральный эвакуационный отдел (Центроэвак) НКВД РСФСР, который, в свою очередь, был упразднен в 1922 г.

Таким образом, в годы Первой мировой войны Дальний Восток России стал местом вынужденного пребывания тысяч военнопленных из

Германии, Австро-Венгрии, Турции. Эти чрезвычайно массовые миграционные потоки, с одной стороны, заметно развивали хозяйственную жизнь Дальневосточного региона, с другой, – способствовали вовлечению восточной окраины России в политическую жизнь страны, резко революционизировали контингент военнопленных, приковывали к Дальнему Востоку пристальное внимание зарубежных держав.

Литература и источники:

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). – Ф.702. – Оп 4. – Д. 819. – Л. 22.

2. Там же.

3. Подсчитано автором на основании источника: РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 819. – Л. 35 ; Д. 82. – Л. 6, 25, 71 об.

4. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 82. – Л. 6, 25.

5. Там же. – Л. 71 об.

6. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). – Ф. И-16. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 37.

7. Там же.

8. ГАХК. – Ф. И – 16. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 37 об.

9. Там же.

10. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 819. – Л. 250.

11. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 819. – Л. 90.

12. Там же. – Л. 74.

13. Подсчитано автором на основании источников: РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 800. – Л. 35 ; Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 82. – Л. 25, 71 об. ; Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 490. – Л. 18.

14. Всемирная история. В 24 Т. – Минск, 1999. – Т. 19. – С. 153.

15. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 4. – Д. 819. – Л. 28.

16. Там же.

17. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 5. – Д. 448. – Л. 9.

18. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 5. – Д. 382. – Л. 64. об., 64 об, 65.

19. Подсчитано автором на основании источника: РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 5. – Д. 382. – Л. 57, 57 об, 58, 62.